

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТЕМЧИН
Вильнюсский университет

О происхождении аномальной нумерации чтений после Пятидесятницы в сербском полноапракосном евангелии № 8 Хиландарского монастыря

Драголюбу Петровичу к 65-летию

В своей статье, посвященной апракосным евангелиям Хиландарского монастыря на Афоне, Д. Богданович отметил наличие в рукописи № 8 этого собрания (в дальнейшем — Хил-8)¹ странную особенность. Богослужебный цикл от Пятидесятницы до “нового лета”, представленный чтениями 17 недель, имеет здесь не сквозную нумерацию недель от 1 до 17, как обычно, а ведет счет сначала с 1 до 11, после чего начинает новый счет с 1 до 6. Подобная двойная нумерация чтений (перикоп) представляет собой аномальное явление, поскольку разбивает единый богослужебный цикл на две части. Д. Богданович признался, что не смог найти удовлетворительного литургического объяснения этой особенности, и выразил надежду на то, что подобное явление будет открыто в иных евангельских рукописях [Богдановић 1977, 155]. Последующие исследователи, изучавшие Хил-8, указанной особенностью не занимались [Грковић-Мејџор 1997].

В начале 2000 г. я получил возможность изучать богатое собрание микрофильмов Хиландарского исследовательского центра (The Hilandar Research Library) Библиотеки Университета штата Огайо в г. Колумбус, США², в том числе микрофильм Хил-8, рашской рукописи конца XIII века³ с явными следами восточнославянского оригинала и менее заметными признаками более позднего македонского списка. Два листа из этой рукописи хранятся в Российской государственной библиотеке (собр. В.И. Григоровича, № 11.VI) в Москве [Жуковская 1984, 291–292 (№ 336); Васильев 1987, 35–36]. На этикетке основного корпуса книги сделана помета хиландарского библиотекаря проигумена Михаила Коматовича (1860–1943) на сербском языке

следующего содержания: “Какой-то сумасшедший (*лудак*) вырезал из этой книги 20 инициалов и обезобразил ее” [Богдановић 1978, 56]. В рукописи действительно вырезаны орнаментированные инициалы.

Двойная нумерация чтений цикла Пятидесятницы имеет свое объяснение. Следует иметь в виду, что становление византийского евангельского лекционария происходило постепенно⁴. Первоначально богослужебными чтениями был заполнен лишь первый, пасхальный цикл (от Пасхи до Пятидесятницы), в котором были предусмотрены чтения еще не на каждый день. Сначала евангельские перикопы были установлены лишь на все дни первой (Светлой) недели и следующие воскресенья пасхального периода, а также на особые праздники цикла — Преполование Пятидесятницы (среда 4-ой недели) и Вознесение Господне (четверг 6-ой недели). Последующие же богослужебные циклы Пятидесятницы, “нового лета” и великого поста в то время еще отсутствовали.

Начало циклу Пятидесятницы было положено тогда, когда были определены евангельские чтения на первые одиннадцать воскресных дней после Пятидесятницы. В течение некоторого времени эти 11 перикоп были единственными чтениями данного цикла, что нашло отражение в некоторых из сохранившихся списках греческого лекционария. Указанные перикопы, предназначенные для чтения на литургии, использовались в комплекте с одиннадцатью воскресными утренними евангелиями, которые читались, как видно по их названию, на воскресной утрени. Таким образом, на данном этапе существовало два параллельных набора воскресных евангельских чтений, по одиннадцать перикоп каждый: один был предназначен для чтения на утрени, а другой — на литургии [Burns 1982, 125].

Оба комплекта использовались в период после Пятидесятницы в качестве повторяющегося *столпа* чтений⁵ — после последовательного прочтения перикоп с 1-ой по 11-ую они использовались во второй раз в той же последовательности, затем в третий раз и т.д., заполняя таким образом все воскресенья октоишного цикла, т.е. от Пятидесятницы вплоть до Цветоносного воскресенья, что соответствует современным циклам Пятидесятницы, “нового лета” и великого поста. На этом этапе развития византийской литургической системы будние и субботные дни еще вовсе не имели своих евангельских чтений.

В дальнейшем вместо повторяющегося *столпа* чтений на литургии был введен последовательный *ряд* перикоп, так что евангельские фрагменты на воскресной литургии уже не повторялись — за каждым воскресеньем был закреплен свой индивидуальный отрывок из Евангелия. После этой богослужебной реформы параллельность вос-

кресных чтений на утрени и на литургии оказалась разрушенной: на утрени и далее продолжал использоваться столп из одиннадцати воскресных утренних евангелий (в таком виде он функционирует до сего дня), в то время как на литургии был уже предусмотрен последовательный ряд индивидуальных чтений.

Последующее развитие византийского лекционария шло в сторону увеличения числа рядовых чтений — сначала были установлены перикопы на субботы, а затем и на будние дни всех богослужебных циклов. В результате возник ежедневный лекционарий, структурно соответствующий славянскому полноапракосному Евангелию. При этом полный византийский лекционарий составлялся неоднократно, о чем говорит наличие трех его разновидностей, которые впоследствии взаимодействовали друг с другом.

Структура византийского ежедневного евангельского лекционария складывалась таким образом, что отдельные литургические циклы заполнялись чтениями преимущественно разных евангелистов. Так, первый, пасхальный цикл составлялся на основе евангелия от Иоанна, последующий цикл Пятидесятницы заполнялся чтениями из евангелия от Матфея, цикл “нового лета” строился из перикоп евангелия от Луки, а в основу цикла великого поста было положено евангелие от Марка. Данную схему следует рассматривать лишь в качестве общей тенденции, которая сочетается с целым рядом частных отклонений. Нам важно отметить, что в ежедневном византийском лекционарии евангелие от Марка используется не только в цикле великого поста, но и в предыдущих циклах Пятидесятницы и “нового лета” (а точнее — в конце указанных циклов), где чтения этого евангелиста были поставлены на будние дни с понедельника по пятницу включительно, в то время как субботние и воскресные чтения указанных циклов последовательно ориентированы на евангелия от Матфея (цикл Пятидесятницы) и Луки (цикл “нового лета”).

Две основные разновидности византийского лекционария различаются тем, где именно в циклах Пятидесятницы и “нового лета” вступает евангелие от Марка (для будних дней). В одном из них (так называемый κ -тип, более распространенный на византийской почве) это происходит после первых *одиннадцати* недель цикла Пятидесятницы и первых *двенадцати* недель “нового лета”, а в другом (менее распространенный α -тип) — после первых *девяти* и *одиннадцати* недель указанных циклов соответственно. Последнему близок третий, β -тип, особенности которого здесь нет надобности описывать⁶.

Разница между указанными разновидностями византийского лекционария заключается в том, на каком литургическом основании

выбиралось место вступления будних чтений евангелия от Марка. В цикле Пятидесятницы оно определяется либо архаичным столпом из 11 евангельских чтений на утрени и литургии (κ -тип), либо более поздним столпом из 8 евангелий по гласам Октоиха (α -тип), который, в отличие от первого, вступает не после воскресенья Пятидесятницы, а после следующего воскресенья Всех святых, чем и обусловлено число недель (9 вместо 8), в течение которых по будним дням читалось евангелие от Матфея перед вступлением евангелия от Марка.

Хил-8 относится к структурному типу Мстиславова евангелия (по Л.П. Жуковской, семья № 8)⁷, который отражает византийскую лекционную систему распространенного κ -типа. В этой рукописи будние чтения от Марка вступают после первых *одинадцати* недель цикла Пятидесятницы. Этот факт, имеющий историко-литургическое объяснение, и послужил формальным основанием для двойного счета недель цикла Пятидесятницы: сначала с 1-ой по 11-ую неделю (там, где по будним дням читается евангелие от Матфея), а потом дополнительно с 1-ой по 6-ую неделю цикла (где по будним дням читается уже евангелие от Марка).

Однако лишь этого основания недостаточно для того, чтобы ввести двойную нумерацию недель цикла Пятидесятницы, ведь иные полноапракосные евангелия мстиславского структурного типа используют обычный (сквозной) счет всех недель данного цикла, см. [Жуковская 1968, 238–266; Жуковская 1976, 284–290]. Для этого было необходимо еще дополнительное условие — чтобы для писца было значимым деление евангельского текста на евангелистов. Это деление является обычным (и единственно возможным) в списках четвероевангелия (тетра), содержащих полный текст четырех евангелистов в определенной последовательности — Матфей, Марк, Лука, Иоанн. В славянских тетрах перед каждым евангелистом часто выписываются переводные предисловия Феофилакта Болгарского (особое для каждого из четырех евангелий), помещаются миниатюры с изображениями соответствующих евангелистов⁸ и/или заставки, подчеркивающие четырехчастное членение текста.

В ранних апракосах формальное подчеркивание четырехчастного деления евангельского текста (по евангелистам) встречается редко, поскольку в этой структурной разновидности Евангелия ведущим является иной принцип организации книги — по богослужебным циклам, которые лишь примерно соотносятся с делением текста по евангелистам. Наибольшее совпадение между делением текста по евангелистам и членением на литургические циклы наблюдается в кратком апракосе. Уже в Остромировом евангелии 1056–1057 гг. в начале

богослужбных циклов предусмотрены миниатюры с изображениями евангелистов — Иоанна (л. 1 об., перед пасхальным циклом), Матфея (перед циклом Пятидесятницы на л. 57 об. оставлено место для миниатюры, которое осталось незаполненным), Луки (л. 87 об., хотя правильное место миниатюры — на л. 88 об., перед началом цикла “нового лета”), Марка (л. 126, перед циклом великого поста, хотя правильное место миниатюры — на л. 126 об.). Однако первоначальный замысел художественного оформления Остромирова евангелия был иным. Сначала предполагалось снабдить рукопись единственной миниатюрой с изображением евангелиста Иоанна, вынесенной на фронтиспис (левую сторону разворота титульного листа, т.е. л. 1 об.) — этот тип оформления известен в славянской⁹ и греческой рукописной традиции [Пуцко 1983, 25]. Лишь позже, уже во время создания рукописи было принято решение о дополнительном включении миниатюр с изображениями иных евангелистов. Эти миниатюры были выполнены на отдельных листах вшиты в кодекс (при этом изображение Луки было ошибочно вшито левой стороной). В процессе дальнейшего бытования рукописи изображение Матфея, видимо, выпало из книги и потому не сохранилось, а миниатюра, изображающая Луку, также выпавшая, была вторично вшита не на своем исконном месте, и потому оказалось смещенной на один лист вперед [Жуковская 1974, 61–62; Пуцко 1983, 23–25].

В списках полного апракоса, написанных до XIV в., изображения евангелистов встречаются почти исключительно в тех рукописях, которые входят в текстологическую (не типологическую) семью Мстиславова евангелия. Полный комплект из четырех миниатюр находится в Мстиславовом евангелии до 1117 г., Добриловом евангелии 1164 г., полном апракосе кон. XII(?)–нач. XIII в. Государственной Третьяковской галереи, № К-5348 и Симоновском евангелии 1270 г. В перечисленных полных апракосах схема распределения миниатюр с изображениями евангелистов по богослужбным циклам в целом совпадает с той, которая представлена в Остромировом евангелии, т.е. следует логике краткого апракоса [Жуковская 1974, 65]. Однако место расположения миниатюры, изображающей Марка, оказывается несколько различным. Она помещается: а) перед началом цикла великого поста — Мстиславово евангелие (л. 123 об.); б) перед чтением на четверг 14 недели “нового лета” — Добрилово евангелие (л. 159); в) перед чтением на понедельник 14 недели “нового лета” — Симоновское евангелие (л. 93). Таким образом, в полных апракосах XII–XIII вв. мы наблюдаем постепенное перемещение изображения Марка к началу кодекса [Жуковская 1974, 65]. При этом последовательность

расположения миниатюр остается неизменной (Иоанн, Матфей, Лука, Марк), поскольку изображение Марка помещается не там, где в первый раз встречаются чтения этого евангелиста (после первых 11 недель цикла Пятидесятницы), а внутри или в конце цикла “нового лета”, перед началом великого поста.

Лишь в следующем XIV в. появляются восточнославянские полные апракосы, в которых миниатюра с изображением Марка располагается после первых 11 недель цикла Пятидесятницы — там, где впервые встречаются чтения этого евангелиста. В результате этого происходит инверсия миниатюр, которые теперь располагаются в иной последовательности — Иоанн, Матфей, Марк, Лука [Жуковская 1974, 65]. Новая последовательность расположения миниатюр оказывается более приближенной к тетровой (где Матфей, Марк и Лука следуют друг за другом), чем первоначальная апракосная (Иоанн, Матфей, Лука, Марк).

Во время второго южнославянского влияния на восточнославянскую территорию получает особое распространение *литургический тетр* (четвероевангелие с последовательной богослужебной разметкой текста и указателем чтений), который значительно потеснил, а со временем и вовсе вытеснил из употребления апракосы. В результате формальные характеристики четвероевангелия воспринимались уже как естественная принадлежность любого евангельского текста и потому переносились на служебные списки Евангелия, которые создавались все реже. Начало тетрового влияния на апракос относится к концу XIV—началу XV в., когда некоторые списки полного апракоса (евангелие Хитрово, Морозовское евангелие) украшаются миниатюрами и заставками, заимствованными из четвероевангелия [Жуковская 1974, 62–65]. С начала XVI в. в восточнославянских полных апракосах зафиксировано нарочитое подчеркивание четырехчастного членения текста, когда, в противовес предшествующей традиции, в отдельных полноапракосных списках перед чтениями каждого евангелиста начинают выписываться предисловия Феофилакта Болгарского, обычные в тетрах [Темчин 1998, 160–161]. Указанная особенность является ярчайшим признаком деградации служебного Евангелия как типа книги, наступившей на Руси в результате распространения литургического тетра.

Можно думать, что подобное мышление было характерно также для того книжника, который ввел в полноапракосный текст аномальную нумерацию чтений после Пятидесятницы, наблюдаемую в Хил-8 (это мог быть непосредственный писец рукописи или один из его предшественников). Привычной формой евангельского текста

для этого книжника был литургический тетр с его подчеркнутым делением текста по евангелистам. Привыкнув придавать особое значение смене евангелистов, писец сделал то же самое при переписке полного апракоса — заметив подобную смену евангелистов внутри цикла Пятидесятницы (после первых 11 недель), он посчитал ее настолько важной, что начал новый счет недель внутри этого богослужебного цикла. Писец, видимо, полагал, что каждому евангелисту полагается свой цикл, который начинается там, где впервые появляются чтения из соответствующего евангелия (как в тетре). Поэтому началом “цикла от Марка” он посчитал не начало великопостного периода, в течение которого используются преимущественно тексты этого евангелиста (и где в кратких и полных апракосах XI–XII вв., имеющих миниатюры, помещается его изображение), а то место, где впервые появляются перикопы из евангелия от Марка, т.е. после первых 11 недель цикла Пятидесятницы.

Данное предположение подкрепляется тем фактом, что в Хил-8 перед началом чтений от каждого евангелиста имелись соответствующие миниатюры. Впоследствии листы, на которых были расположены изображения евангелистов, были отделены от рукописи, что сделал, вероятно, тот же “сумасшедший”, который вырезал инициалы. Нельзя полностью исключать возможности того, что это дело рук В.И. Григоровича, который увез с собой из Хиландарского монастыря два листа нашей рукописи (теперь они хранятся в Москве) и вообще прославился своим “свободным обращением” со старыми памятниками письменности¹⁰.

Лакуны в евангельском тексте Хил-8, образовавшиеся в результате отделения листов перед началом чтений разных евангелистов, невелики по объему, что и дает основание предполагать наличие миниатюр в местах утраты листов. Так, между лл. 35 и 36 утрачен по меньшей мере один лист¹¹ (в статье Д. Богдановича эта лакуна не отмечена): л. 35 об. содержит окончание чтения Ин 7.37–52, 8.12 на воскресенье Пятидесятницы, а л. 36 начинается стихом Мф 18.16 (чтение Мф 18.10–20 на понедельник после Пятидесятницы), следовательно, лакуна в евангельском тексте равняется здесь всего 6 стихам. Это несоответствие утраченного текста размеру отсутствующего листа ясно говорит о том, что первоначально в рукописи после чтения на воскресенье Пятидесятницы перед следующим чтением на понедельник после Пятидесятницы (т.е. перед первой перикопой из евангелия от Матфея) находилась миниатюра с изображением евангелиста. Аналогичным образом между лл. 98 и 99 отсутствуют листы: л. 98 об. заканчивается на стихе Мф 18.28 (чтение Мф 18.23–35 на

воскресенье 11 недели цикла Пятидесятницы), а л. 99 начинается концом стиха Мк 1.9 (чтение Мк 1.9–15 на понедельник 12 недели, которая в связи с аномальной нумерацией чтений в Хил-8 должна была получить номер 1), следовательно лакуна в евангельском тексте равняется 7 стихам. Здесь, перед первой перикопой из евангелия от Марка, наверняка помещалась миниатюра с изображением соответствующего евангелиста. Наконец, между лл. 138 и 139 также отсутствует по меньшей мере один лист (в статье Д. Богдановича эта лакуна также не отмечена): л. 138 завершается последним чтением цикла Пятидесятницы Мф 15.21–28 (в связи с аномальной нумерацией чтений в Хил-8 оно обозначено как воскресенье 6, обычно же в полных апракосах оно надписывается как воскресенье 17 после Пятидесятницы), а л. 139 начинается стихом Лк 3.27 (чтение Лк 3.23–4.1 на вторник 1 недели “нового лета”), следовательно, лакуна в евангельском тексте равняется 8 стихам. Здесь должна была находиться миниатюра с изображением евангелиста Луки. Аналогичная миниатюра с изображением Иоанна должна была располагаться в самом начале кодекса, однако проверить это невозможно, так как в рукописи недостает начальных тетрадей.

Таким образом, писец Хил-8 или его предшественник не только ввел двойную нумерацию чтений цикла Пятидесятницы в соответствии с делением евангельского текста по евангелистам, но и предусмотрел четыре миниатюры с их изображениями там, где начинались группы чтений из соответствующих евангелий: в самом начале рукописи была помещена миниатюра с изображением Иоанна, перед чтением на понедельник после Пятидесятницы — Матфея, перед чтением на понедельник 12 недели (в рукописи — понедельник 1 второго счета после Пятидесятницы) — Марка, а перед началом цикла “нового лета” — Луки. Перечисленные выше особенности говорят о том, что тот книжник, который ввел в полноапракосный список указанные особенности, ориентировался на структуру литургического тетра, перенося некоторые структурообразующие элементы последнего на апракосный список. В отличие от поздних восточнославянских рукописей, отражающих процесс деградации служебного Евангелия как типа книги, рассмотренные особенности Хил-8 говорят лишь о том, что данный список (или его более или менее отдаленный оригинал) был создан в таких условиях, где литургический тетра был хорошо известен, а полноапракосное Евангелие было менее привычно.

Известно, что в Хил-8 присутствуют следы восточнославянского оригинала. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что рассмотренные структурные особенности рукописи (включая ано-

мальную нумерацию чтений цикла Пятидесятницы) не содержались в восточнославянском оригинале Хил-8, а появились уже после того, как тот покинул Восточную Славию. Дело в том, что до XV–XVI вв. на Руси служебное Евангелие (особенно полный апракос) было обычной формой существования евангельского текста, доминировавшей над тетром¹². В таких условиях перенос признаков четвероевангелия на апракос вряд ли возможен. Следовательно, указанные структурные особенности появились в каком-то ином месте.

Д. Богданович высказал априорное мнение о том, что Хил-8 было написано в самом Хиландарском монастыре, а списки полноапракосного Евангелия мстиславова типа распространялись из Восточной Славии на Балканы через Афон [Богдановић 1977, 154, 161]. Действительно, миграция списков полноапракосного Евангелия в указанном направлении засвидетельствована рядом южнославянских рукописей, переписанных с восточнославянских оригиналов, — в их числе называются сербское Вуканово евангелие ок. 1200 года [Nedeljković 1969], македонское Радомирово евангелие сер. XIII века [Угринова-Скаловска, Рибарова 1988, 78–79; Рибарова 1998], сербское Хил-8 конца XIII в. Восточнославянское влияние отмечено также в иллюминации македонского Карпинского евангелия XIII века [Десподова 1995, 16]. Это немалое число списков, если учесть довольно ограниченное количество сохранившихся южнославянских полных апракосов. Хронологически указанные рукописи укладываются в так называемое *первое восточнославянское влияние* на Балканы, датируемое XII–XIII веками¹³.

Если бы Хил-8 действительно было написано в Хиландарском монастыре, как это предположил Д. Богданович, то данный кодекс следовало бы рассматривать в качестве одного из звеньев в цепи распространения восточнославянских списков полноапракосного Евангелия на Афон и оттуда на южнославянские земли. Однако такому предположению, вроде бы, противоречит наличие в рукописи некоторых языковых особенностей, указывающих на македонское происхождение одного из оригиналов [Грковић-Мејџор 1997, 74]. Учитывая исключительно важную роль афонских монастырей в осуществлении межславянских книжно-литературных контактов¹⁴, можно предполагать следующий путь проникновения восточнославянских рукописей на Балканы: Русь → Афон → Македония (Западная Болгария) → Сербия¹⁵. Наличие в рашской рукописи Хил-8 очевидного восточнославянского пласта и менее заметного македонского языкового слоя может свидетельствовать о том, что данный кодекс был написан не на Афоне, как априорно считал Д. Богданович, а в Сербии.

В противном случае было бы необходимо предположить кольцевую комбинацию Русь → Афон → Македония → Афон, для которой нет оснований. В свете сказанного представляется вероятным, что на Афоне было написано не само Хил-8, а лишь один из предшествовавших ему оригиналов (однако рукописи могли проходить через Афон просто транзитом, без стадии переписки). Тезис о том, что Хил-8 было переписано в Сербии с македонского оригинала¹⁶, хорошо сочетается с нашими знаниями об особенностях формирования сербской письменной традиции [Турилов 2000, 153–161]. Кстати, болгарско-македонский оригинал предполагается также для рашского полноапракосного евангелия № 31 Хиландарского монастыря, созданного во втор. четв. XIV века [Богдановић 1977, 160–161].

Таким образом, аномальная нумерация чтений Хил-8 могла возникнуть на Афоне, в Македонии либо уже в Сербии, непосредственно в процессе написания кодекса в конце XIII в. В любом случае рассмотренная особенность свидетельствует о том, что в месте ее возникновения существовала устойчивая традиция использования литургического тетра, а полноапракосные евангелия не были обычным явлением.

На аналогичную ситуацию указывают и иные, лишь немногим более поздние сербские списки полноапракосного Евангелия, хранящиеся в Хиландарском монастыре (и написанные, вероятно, там же). Так, рашское евангелие монаха Романа 1337 г. (Хиландарь, № 9) также содержит миниатюры с изображениями четырех евангелистов (выполнены в 1360 г.), а в записи писца на л. 336 об. рукопись охарактеризована как “четвероблаговестные книги”, т.е. тетр. Рашское евангелие Николы Станевича середины XIV в. (Хиландарь, № 14) во вкладной записи на л. 321 об. так же неверно названо четвероевангелием [Богдановић 1977, 156 (прим. 11), 158].

Комментируя эти факты, Д. Богданович высказал предположение о том, что термином *четвероевангелие* обычно обозначались не только тетры, но и апракосы, поскольку последние также содержат чтения всех четырех евангелистов [Богдановић 1977, 156 (прим. 11)]. С этим мнением невозможно согласиться, поскольку в греческой терминологической традиции четвероевангелие (τέτραευαγγέλιον) явно противопоставляется служебному Евангелию (Εὐαγγέλιον, εὐαγγε-λιάριον) [Βεργώτης 1995, 89–90, 211–212]. Не менее четко противопоставлены соответствующие славянские термины *четвероевангелие* и *апракос*. Поэтому единичные случаи употребления первого термина вместо второго следует объяснять в контексте переноса некоторых характеристик четвероевангелия на апракос, обусловлен-

ного доминированием литургического тетра над служебным Евангелием. Этот процесс зародился на славянском юге, поскольку самое раннее (и вполне отчетливое) его проявление представлено в рашской рукописи Хил-8, возникшей, вероятно, в Сербии в конце XIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. описания рукописи [Богдановић 1978, 56; Matejić, Thomas 1992, 293; Турилов, Мошкова 1999, 59 (№ 103)].

² Искренне благодарю Центр средневековых славянских исследований (Resource Center for Medieval Slavic Studies) и его Директора др. Предрага Матеича за финансовую поддержку моей одномесячной стажировки в Университете штата Огайо. Выражаю свою глубокую признательность сотрудникам Хиландарского исследовательского центра, создавшим мне отличные условия для работы с собранием микрофильмов. Хочу также высказать свою особую благодарность монашеской братии Хиландарского монастыря на Афоне, которая бережно сохраняет богатое собрание славянских рукописей и дала свое согласие на его микрофильмирование, что сделало его доступным более широкому кругу исследователей.

³ Обзор мнений о датировке этой рукописи представлен в указанной статье Я. Гркович-Мейджор. См. также [Васильев 1987, 35–36].

⁴ Обзор этапов развития византийского евангельского лекционария представлен в работе И. Бернс [Burns 1982].

⁵ О столпах чтений и их разновидностях применительно к славянскому служебному Евангелию см. [Темчин 2000].

⁶ Более подробно о типах византийских лекционарных систем см. [Пентковский 1998, 4–6 (третьей пагинации)].

⁷ Структурный тип Мстиславова евангелия, выделенный на основании типологического сходства апракосной структуры, не следует путать с текстологической семьей Мстиславова евангелия, в которую входят лишь генетически связанные рукописи, см. [Темчин 1998].

⁸ Самым ранним славянским списком тетра с изображениями евангелистов является глаголическое Марининое евангелие, см. [Пуцко 1985].

⁹ Таким образом оформлены сербское Вуканово евангелие ок. 1200 г. и древнерусский полный апракос первой четверти (20–30-е годы) XIII в. Научной библиотеки МГУ, № 2 Аг. 80 [Жуковская 1984, 99–101 (№ 57, 58), 222–223 (№ 197)].

¹⁰ В.И. Григорович приобрел рукописи и их фрагменты не только легальным, но и, как теперь выясняется, иными способами, см. [Немировский 1999].

¹¹ К сожалению, при работе с микрофильмом невозможно точно установить количество утраченных листов, так как структура пергаменных тетрадей не поддается реконструкции.

¹² Некоторое представление о степени распространенности на Руси разных типов служебного Евангелия дает количество сохранившихся восточнославянских рукописей XI–XIII вв. По данным *Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР (XI–XIII вв.)*, до нас дошло 36 восточнославянских списков полного апракоса при 11 списках краткого апракоса, см. [Темчин 1999, 202].

¹³ Литературу вопроса см. в работе [Турилов 1995, 32 и прим. 3].

¹⁴ Богатую литературу вопроса см. в работах [Дуйчев 1985; Поп-Атанасов 1989, 245–246: “Светогорски книжевен центар”; Нихоритис 1990; Петканова 1992].

¹⁵ На Восточную Болгарию *первое восточнославянское влияние* практически не распространялось.

¹⁶ Который в свою очередь восходит к восточнославянскому списку, попавшему в Македонию, вероятно, через Афон.

ЛИТЕРАТУРА

- Богдановић Д., 1977: Српски апракоси у Хиландару, in Глигоријевић С. (ред.), *Зборник Владимира Мошина*. Београд, 153–169.
- Богдановић Д., 1978: *Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара*. Београд.
- Васильев Љ., 1987: Три рукописна фрагмента из Лењинове библиотеке у Москви, in *Археографски прилози*, књ. 9. Београд, 31–59.
- Грковић-Мејџор Ј., 1997: Хиландарски пуни апракос из XIII века (Жил 8), *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*, т. 40/2: *Посвећен десетогодишњици смрти професора Др Јована Кашића*. Нови Сад, 69–81.
- Десподова В. (ред.), 1995: *Карпинско евангелие*. Прилеп–Скопје. (Македонски средновековни ракописи, кн. 4.)
- Дуйчев И., 1985: Атон, in Динеков П. (ред.), *Кирило-Методијевска енциклопедија*, т. 1. Софија, 137–143.
- Жуковская Л.П., 1968: Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их, in Виноградов В.В. (ред.), *Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология*. Москва, 199–332.
- Жуковская Л.П., 1974: Связь изучения изобразительных средств и текстологии памятника, in Подобедова О.И. (ред.), *Древнерусское искусство: Рукописная книга*, сб. 2. Москва, 58–69.
- Жуковская Л.П., 1976: *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. Москва.
- Жуковская Л.П. (ред.), 1984: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв.* Москва.
- Немировский Е.Л., 1999: К истории открытия и первичного изучения итаголического Марининского четвероевангелия, *Slovo*, sv. 47–49. Zagreb, 33–56.
- Нихоритис К., 1990: *Атонската книжовна традиција в разпространението на кирило-методијевските извори*. Софија. (Кирило-Методијевски студии, кн. 7.)
- Пентковски А.М., 1998: Лекционарни и четвероевангелия в византијской и славянской литургических традициях, in Алексеев А.А. (ред.), *Евангелие от Иоанна в славянской традиции*. Санкт-Петербург, 3–54 (третьей пагинации). (Novum Testamentum Palaeoslovenice, 1.)
- Петканова Д., 1992: Атон, in Петканова Д. (ред.), *Старобългарска литература: Енциклопедичен речник*. Софија, 45–46.
- Поп-Атанасов Ѓ., 1989: *Речник на старата македонска литература*. Скопје.
- Пуцко В.Г., 1983: Функциональная роль и художественная концепция декора Остромирова евангелия, *Palaeobulgarica*, № 1. 21–34.

- Пуцко В.Г., 1985: Изображения евангелистов на страницах древнеславянской рукописи, *Slovo*, sv. 35. Zagreb, 115–130.
- Рибарова З., 1998: Русизми во Радомировото евангелие, in *Македонско-руски јазични, литературни и културни врски: Материали од Првата македонско-руска славистичка конференција*, Охрид, 23–24 август 1995 г. Скопје, 195–204.
- Темчин С.Ю., 1998: Текстологическая семья Мстиславова евангелия: новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса, *Slavistica Vilnensis*, 1998: XII Международный съезд славистов. Краков, 27.08–2.09.1998. Доклады литовской делегации. 133–233. (Kalbotyga 47(2).)
- Темчин С.Ю., 1999: Типы православного славянского богослужения в XI–XIII веках в связи со структурными разновидностями служебного Евангелия и иных литургических книг, *Slavia*, г. 68, nr. 2. Praha, 191–211.
- Темчин С.Ю., 2000: Столпный апракос — еще один неизвестный структурный тип славянского служебного Евангелия (в печати).
- Турилов А.А., 1995: Болгарские литературные памятники эпохи Первого царства в книжности Московской Руси XV–XVI вв. (заметки к оценке явления), *Славяноведение*, № 3. 31–45.
- Турилов А.А., 2000: После Климента и Наума (славянская письменность на территории Охридской архиепископии в X–первой половине XIII в.), in Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А., *Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия*. Санкт-Петербург, 82–162.
- Турилов А.А., Мошкова Л.В., 1999: *Славянские рукописи афонских обителей*, под редакцией А.-Э.Н. Тахиаоса. Фессалоники.
- Угринова-Скаловска Р., Рибарова З., 1988: *Радомирово евангелие*. Скопје. (Институт за македонски јазик “Крсте Мисирков” — Скопје, Стари текстови, кн. 4.)
- Burns Y., 1982: The Historical Events that Occasioned the Inception of the Byzantine Gospel Lectionaries, *Jahrbuch der österreichischen Byzantinistik*, Bd. 32/4. Wien, 119–127. (XVI. Internationaler Byzantinistenkongress, Wien, 4.–9. Oktober 1981, Akten, II/4.)
- Matejic P., Thomas H., 1992: *Catalog: Manuscripts on Microform of the Hilandar Research Library (The Ohio State University)*, vol. 1. Columbus, Ohio.
- Nedeljković O., 1969: Vukanovo jevandlje i problem punog aprakosa, *Slovo*, sv. 18–19. Zagreb, 41–90.
- Βεργώτης Γ.Θ., 1995: *Λεξικόν λειτουργικών και τελετουργικών όρων*, Γ' έκδοση, βελτιωμένη και επαυξημένη. Θεσσαλονίκη.

**An anomalous numbering of the lections after Pentecost
in Serbian long lectionary Gospel No. 8
from the Hilandar Monastery**

This paper presents an explanation of the anomalous numbering of the lections after Pentecost in the Serbian long lectionary Gospel No 8 from the Hilandar Monastery (Hil. 8). Usually the weeks after Pentecost are numbered continuously from 1 to 17, but in Hil. 8 this liturgical cycle is divided into two parts with two separate numberings: 1–11 and 1–6. This division does not occur in other Slavic gospel lectionaries. The Gospel of St. Matthew is generally read during the liturgical cycle after Pentecost, with the exception of the weekday lections for the last six weeks, which are taken from St. Mark. This shift from Matthew to Mark was so significant to the scribe of Hil. 8 that he decided to emphasize it by introducing a new numbering of the weeks. Such an attitude indicates that the scribe must have been used to dealing with the liturgical tetraevangelion (in which the four Gospels are clearly separated) and not with the lectionary Gospel, and sheds some light on the geographical distribution of these two structural types of gospels.